

Вырезка из газеты

ВОСТОЧНО-
СИБИРСКАЯ
ПРАВДА

от

* 4 янв 1978

Газета №

г. Иркутск

тип. ММФ 742

Творчество молодых

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

«Суть творчества — самоотдача» — такова позиция актера Иркутского ТЮЗа В. Казименко. Но часто повторяемые слова нередко обесцвечиваются и, лишь прислушавшись, понимаешь глубокий смысл их. В данном случае — жадное познание, образное осмысление окружающего, чтобы образ прошел через индивидуальность художника и стал неповторимым. И вершина творчества — совершенствование себя и мира.

Творческое лицо актера — это созданные им образы. В. Казименко участвует почти во всем «взрослом» репертуаре театра и в сказках. За плечами актера учеба в ГИТИСе, работа в Красноярском театре имени Ленинского комсомола, других театральных коллективах, возвращение в театр, где «родился».

А началось, наверное, с ухода Владислава из театрального училища после первого курса. В Иркутское театральное Казименко поступил, прежде всего, чтобы доказать себе, что сможет. Первые неудачи смущали, казался себе бездарным, ненужным театру. А театр владел им уже серьезно. И снова пошел в училище, чтоб «умирать от жажды над ручьем, смеяться сквозь слезы и трудиться играя» — это и о них, актерах, написал философ-бродяга Франсуа Вийон.

Отчаяние от неудач приходило еще не раз, выбивало из колен, но всегда заставляло искать причины.

Владислав играл в театре с третьего курса, но профессиональная сцена — новая мера отношения к жизни и к себе: здесь раскрываются содержание твоего актерского «я», смысл того, что принесешь ты своим искусством. Первой ролью был Белоус («Город на заре»). Вынесенное актером из работы над этим образом определило то, что исповедует он сегодня, — мысль о том, что судьба и счастье человека в его руках, за них нужно бороться. Образ будущего персонажа, возникающий при чтении пьесы, Владислав стремится ощутить зримо в рисунке, для которого рисование не только отдых, развлечение. С еще хрупкого графического набриса начинается проникновение актера в характер. Сначала возникает зыбкое, но целостное видение, обретающее со временем краски, наполняющееся жизнью. Для Владислава работа над образом — попытка вскрыть потенциальные духовные возможности персонажа, скрывающиеся подчас за оболочкой внешне-го проявления: циничный Ларенсио искренне влюбляется в Финею («Дурочка»), мужик-тер Арамис и герцог Бекингем становятся близнецами-антиподами, это два пути развития одной природы, смелой и самолюбленной («Три мушкетера»). Горячее и бескорыстное

сердце бьется у простодушного, похожего на сказочного Иванушку-дурочка Гаврилы. Но фреда сыгранных ролей есть любимая — Фердинанд в «Коварстве и любви». Фердинанд-Казименко по-юношески нежен и дерзок, защищая самое дорогое в человеке — любовь, стремление к идеалу, ценности непреходящие. И этот юноша, отдаленный столетиями, становится нашим современником. Боль героя — это боль актера, на которую он откликается со всей страстностью, определяя четким внешним рисунком внутреннее состояние героя.

У него не было лишней жестов, Фердинанд-Казименко мог быть уверенно-спокойным или в лихорадочном смятении, но, именно это — страстность — рождало на сцене жизнь человеческого духа.

После этой работы актер обратил на себя широкое внимание зрителей. Но главное — началось его творческое возмужание.

Как рассказать об Андрее Громеце («Люди, которых я видел») — не только человеке, которого предала любимая, но комбате, который, «уходя» в свою боль, оставляет без командира солдат в аду войны? Резкий, неистовый появляется Громец-Казименко, он бросает вызов не только своей боли, но и смерти, это качество можно назвать жизнелюбивой

страстностью. Становится понятным моральное падение именно такого Громова — максималиста и в чувствах, и в исполнении долга. Это не оправдание героя, а скорее выражение диалектики его характера. Громец борется за свою судьбу, как боролся Фердинанд, как будет бороться Веняка Мальшев («Жестокость»).

Работа над ролью у Владислава начинается обычно «беседой» со своим персонажем. А вопросы — самые разные: как герой впервые появляется на сцене? Какие у него вкусы, пристрастия? Какие книги читает? Ведь это жизнь образа, и творец этой жизни на сцене, актер, обязан узнать ее. Иногда ответ получаешь сразу, иногда ждешь дни, недели. И ищешь, ищешь точки соприкосновения образа с собой. А когда находишь близкое, к чему стремишься, за что болеешь, начинается поиск внешнего рисунка роли, чтобы зритель принял твою позицию или воспротивился ей.

Казименко получил редкую для него отрицательную роль. Как заставить жить ее? Через отношение актера к персонажу, к событиям пьесы возникает заинтересованность характером. И если это отношение в неприятном, человеческом и гражданском, жизненных позиций персонажа, актеру нужно, чтобы и зритель, следуя за ним, не только не

принял зло, но задумался, откуда пришло оно и куда ведет. Косой — шеф бандитов («Ночная повесть»). На первый взгляд, плей-бой: ковбойские брюки, кожаный плащ, властная манера держаться. Он из той «золотой молодежи», которой многое позволено, пусть даже неофициально. Потому его философия всеотрицания удобна ему. Но в душе Косого страх перед будущим, этот страх — главное в характере персонажа для Владислава.

Актер чутко и точно воплощает суть образа. Напряженность Косого, внешне спокойного, барственного, скупого на жесты, прорывается лишь изредка в нервических нотках голоса и окриках. И только столкнувшись с сильной противоположной позицией Марека лицом к лицу, Косой взрывается: вскакивает на возвышение, словно на трибуну, и кричит, выдавая свою уязвимость. А в финале судорожно вскидывает ружье в друг в фашистском приветствии. Актер низводит Косого до фашиствующей марионетки, ничтожной, но страшной.

В театральном училище Владислав больше всего увлекался уроками сценического движения, которые вел народный артист РСФСР В. К. Венгер. Свобода владения своим телом, ощущение его как послушного инструмента — необыкновенное чувство. Идея от внутреннего переживания роли, актер лепит образ с присутствиями лишь этому персонажу пластикой, жестами, движениями, и достигается главное — образ живет словно самостоятельной жизнью...

Во многом с помощью пластической выразительности раскрывается оригинальная трактовка Клеанта («Тартюф»). Клеант-Казименко словно обволакивает окружающих изысканностью манер, обходительностью, галантностью. Но все это утрировано. И за преувеличенностью поз раскрывается внутренняя жизнь Клеанта, стремящегося «перетартюфить» самого Тартюфа.

И сегодня, в начале юбилейного сезона, на сцену выходит Веняка Мальшев-Казименко. Веняка спрашивает со всех и прежде всего с себя по вышнему счету совести. В этом его сила, и в этом его слабость. Он не смог бороться с черствостью, бюрократизмом, бездушием своего времени. За него борются другие, его потемки. Сыграно несколько спектаклей, Казименко-Мальшев эмоционален, правдив, образ набирает силу. Но спектакль и роль еще в работе, в становлении.

В работе и становлении и молодой артист, серьезно и требовательно относящийся к своему делу.

И. ФРИДЕМАН,
студентка ИГУ.